

С. А. Фомичев

В. И. ДАЛЬ И СЛОВЕСНОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Резюме

Детально разработана тема о фольклорной составляющей творчества В. И. Даля. При этом в тени остается изначальная и постоянная связь его творчества со стилистикой, сюжетами и жанрами древнерусской словесности. Сюжетно в первых сказках своих Даль часто следовал лубочным листкам и книгам; они издавались огромными по тем временам тиражами и потому популяризировали не только рыцарские романы, но и жития святых, и народную сатиру (такова, например, далевская «Сказка о Шемякином суде»). Сказки Даля поражали языковой виртуозностью, каскадами присловий, где обычно он использовал стилистический прием амплификации, насыщая его бытовыми приметам. Даль был хорошо знаком со средневековой рукописной книгой. Так возникали в его произведениях постоянные переключки с памятниками Древней Руси, в том числе и со «Словом о полку Игореве». Среди произведений Даля появляются и такие, которые особо соотносятся с жанрами древнерусской литературы. Он впервые в систематическом (календарном) порядке создал народный месяцеслов, а в лексикологических изысканиях использовал «Травники» и «Физиологи». Изучение старинных памятников древнерусской словесности XII века, по собственному признанию Даля, утвердило его намерение составить «Толковый словарь живого великорусского языка». В истории русской культуры этот памятник имеет не меньшее значение, нежели наследие классиков.

Ключевые слова: лубочная литература, амплификация, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», Месяцесловы, Травники, Физиологи, Словарь Даля

---

¹ Эта работа должна была быть представлена в качестве онлайн-доклада на заседании, посвященном 100-летию чл.-корр. РАН Льва Александровича Дмитриева 29 сентября 2021 г. в рамках Международной научной конференции «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие» (Шестые Лихачевские чтения), чему помешали технические неполадки. Автор пользуется возможностью посвятить свою статью памяти своего друга Л. А. Дмитриева.

VLADIMIR IVANOVICH DAL AND MEDIEVAL RUSSIAN LITERATURE

Abstract

The topic of folklore in Vladimir Dal's work is well studied. In contrast, the original and persistent connection of his work with the style, plots and genres of medieval and early modern Russian literature still remains unexplored. Plots of Dal's first tales often followed popular *lubok* prints and books. They were published in large number of copies for that time and, for that matter, populated not only chivalric romances, but also the lives of saints and folk satire, like Dal's "Tale of Shemyaka's Judgement". Dal's tales made a strong impression with their virtuoso language and cascades of prefaces, where he usually used the stylistic device of amplification filled with everyday features. Dal was well acquainted with medieval manuscript books. As a result, his writings contain numerous echoes of medieval Russian texts, including *The Tale of Igor's Campaign*. Among Dal's writings there are also texts that especially correspond to genres of medieval Russian literature. Dal was the first to compose a systematically ordered monthly folk calendar and to use the *Herbal* and the *Physiologus* books in his lexicological research. Dal acknowledged that the study of twelfth-century texts written in Old East Slavic (Old Russian) strengthened his intention to compile the *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. This work is no less important in the history of Russian culture than the legacy of Russian classics.

Keywords: Vladimir Dal, *lubok* literature, amplification, The Tale of Bygone Years, Primary Chronicle, The Tale of Igor's Campaign, monthly calendar, Herbal, Physiologus, Dal's Explanatory Dictionary

DOI 10.31860/2712-7591-2022-2-62-80

«**В**сякое движение вперед, — заметил Д. С. Лихачев, — требует оглядки на старое, в России — на „свою античность“, на Древнюю Русь, на те ценности, которыми она обладала». «Литература нового времени восприняла (отчасти незаметно для самой себя) многие черты и особенности литературы древней» [Лихачев, с. 216, 230].

Это предполагает исследование традиций древнерусской словесности в творчестве писателей нового времени. Особого внимания заслуживает Владимир Иванович Даль, художественный потенциал которого был гораздо выше пытливого исследования простонародного быта, в чем Казаку Луганскому долго не было равных, а это в становлении золотого века русской литературы приобрело принципиально важное значение. Нельзя не заметить, как часто обращались и другие писатели к актуальным проблемам, впервые затронутым в произведениях Даля.

Жизнь В. И. Даля богата неожиданными поворотами. Моряк, врач, писатель, участник военных походов, чиновник, этнограф, биолог, фольклорист, физиолог — каждое из этих определений личности неутомимого деятеля подтверждено солидными трудами. И все они, в конечном счете, воплотились в уникальном свершении — в «Толковом словаре живого великорусского языка»², который в истории русской культуры имеет не меньшее значение, нежели наследие классиков.

В далеководении детально разработана тема о фольклорной составляющей творчества писателя [Топорков] (библиографию см. [Топорков, с. 9–14]). «Что такое народная поэзия? — размышлял он. — Откуда берется это безотчетное стремление нескольких поколений к одному призраку, и каким образом наконец то, что думали и чувствовали в продолжение десятков или сотен лет целые народы, племена и поколения, оживает в слове, воплощается в слове одного и снова развивается в толпе и делается общим достоянием народа? Это загадка. Стоуст глаголят одними устами — это хор древних греков, и значение хора их может понять только тот, кто способен постигнуть душою, что такое народная, созданная народом поэма: это дума вслух целого народа, целых поколений народа. Для меня это первый залог нашего бессмертия» [Даль 1867, стб. 430].

При этом в тени остается изначальная и постоянная связь творчества Даля со стилистикой, сюжетами и жанрами древнерусской словесности³.

В 1832 г. вышла в свет книга «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаклом Владимиром Луганским. Пяток первый». Сказки здесь поражали языковой виртуозностью, каскадами присловий, где обычно (что ранее никогда не отмечалось) был развит стилистический прием, заимствованный из древнерусской словесности.

И. П. Еремин основным принципом «Слов» Кирилла Туровского, подчиняющим их изложение, считал риторическую амплификацию [Еремин, с. 133]. В Словаре Даля этот стилистический прием был недаром отмечен: «Амплификация — риторическая фигура: многоречие, многословие, велеречие; расширение, повторение одного и того же разными словами и оборотами, для усиления убеждения» (т. 1, с. 15).

² В данной статье использовано издание: [Даль 1978–1980]. Далее том и страницы указываются в тексте в круглых скобках после цитаты.

³ Словесность, по Далю, — «общность словесных произведений народа, письменность, литература» (т. 4, с. 222).

Ср. у Кирилла Туровского: «Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественных писаний учение: се и душу цѣломудрену стваряеть, и к смиренію прилагаетъ ум, и сердце на реть добродѣтели изво-остряеть, и всего благодарствена челоуѣка стваряеть, и на небеса ко владычнымъ обѣщаниемъ мысль приводить, и к духовнымъ трудомъ тѣло укрѣпляетъ, и приобидѣние сего настоящаго житія, и славы и богатству творить, и вся житискыя свѣта сего печали отводить» [Кирилл Туровский 1980, с. 290]⁴.

«Се азъ во твой раль сѣю семѣна, еже суть о боготруды словеса. Ты смотри, да и плевелы здѣ будутъ, злое же семя ис корени исторгни, а мене накажи. Аще ли есть пшеница, а бы не при пути, ни на камяни, ни в тернии сѣяль. Обаче аще *три* части погибнуть, но надѣюся отъ единого ты можешши во сто приплодiti, Богу ти помогающу, аще съ нимъ о скимѣ общенути съвѣщаешши» [Кирилл Туровский 1997, с. 202]⁵.

И тот же риторический прием⁶ постоянно использовал Даль, снимая, однако, торжественную витийственность речи, насыщая свои амплификации бытовыми приметами: «Уж не она ль, нужда, в стужу и выюгу зимнюю воборышкомъ серенькимъ под застреху забивается да сидит там нахохлившись? Да нет! зачем же про нужду поют:

Нужда скачет, нужда пляшет,
Нужда песенки поет?

Стало быть, она барыня веселая, — может статья, и пригожая, — а чего доброго, и ласковая, сговорчивая? Опять же говорят: нужда последнюю копейку ребром катит! Стало быть, она и тороватая хозяйка, и проказница. Нужда свой закон пишет: стало быть, и сильна, и могуча! Нужда смекает, нужду не проведешь, нужда из лычка кроит ремешок: так она же и досужая художница, коли не чернокнижница! Спроста из рогожи не сделаешь сыромятной кожи. Нужда ум родит; нужда из-под Сызрани да в Москву пеши ходила; нужда красно баёт; нужда чутьем слышит; нужда и плачет при-

⁴ Пер.: «Хорошо же, братья, и очень полезно понимать нам Святого писания смысл: это и душу делает целомудренной, и на смирение направляет ум, и сердце на стремление к добродетели изостряет, и самого человека делает благодарным, и на небеса к божьим заветам мысль устремляет, и к духовным трудам тело укрепляет, и пренебрежение к этой земной жизни, и богатству, и славе дает, и все житейского мира печали отводит» [Кирилл Туровский 1980, с. 291].

⁵ Пер.: «Вот я в твою борозду сею семена, слова о богоугодном труде. Сам смотри, если плевелы здесь будут, ты злое семя с корнем исторгни, а меня накажи. Если же это пшеница, то чтобы не при дороге, не на камне, не в тернии сеял. Даже если три части погибнут, то надеюсь, что от единой ты сможешь сторицей собрать с Божией помощью, если с ним о схиме посоветоваться рассудишь» [Кирилл Туровский 1997, с. 203].

⁶ По иронии судьбы именно Кирилл Туровский грозил посмертными муками тем, кто ворожит, гудит в гусли и сказывает сказки, см.: [Пропп, с. 64].

певаючи; нужда котел грызет; нужда горбится, нужда и прямится...» («Сказка о нужде, о счастья и о правде...») [Даль 1835, с. 177].

Тот же прием был сохранен в последующих его произведениях — в частности, в повести «Бикей и Мауляна» (1836), которая, хотя и основана на документальных фактах, невольно вызывает в памяти такие произведения, как «Тристан и Изольда», «Повесть о Петре и Февронии». Мауляна, как и Бикей, — плоть от плоти степного народа. Рассказ о ее взрослении, в сущности, амплификационно воспроизводит чуть ли не краткую энциклопедию казахского быта. Она «была рослая и статная молодлица, красавица и умница на все аулы, лицом приветливее, а умом смышленнее, душой милее всех подруг своих; сказать вам более? И она, как все землячки ее, бегала до семи лет нагишом, на жару и на стуже, в ведро и в ненастье; хоронилась при 30 слишком градусах степного мороза, с северным бураном, от которого вся кибитка осиновым листом дрожала и которым нередко целые кошмы и полсти срывало и уносило, заметало целые аулы снегом — и она, говорю, хоронилась под лохмотья, под груды шерсти, в войлоки и кошмы, зарывалась в горячую золу, когда огонек среди кибитки потухал, и она, дочь зажиточного киргиза, плела, шила, скребла, вязала уздечки, ткала армячину, чинила платье и сбрую отца и братьев, выделявала жеребьячьи шкуры на *яргаки* и *дахи* — вымачивала их в квашеном молоке, провешивала, смазывала бараньим салом; коптила и выминала их руками — и в дождь не промокал яргак ее работы (...). И она рядилась, как это водится, при перекочевке, в лучшее платье свое, убиралась ожерельями и запястьями, выпрашивала у отца, у братьев бойкого скакуна, на коем заганивала *куланов*, и мчалась вдоль и поперек шумного, многоголосного, обширного скопища, где целое огромное селение, целый город, со всем имуществом и скарбом своим, с хижинами и с жителями, был на ходу, — где стада и табуны, изморенные за зиму *тебеневкой*, подножным кормом, до костей в переплете, стали входить уже в сок и силу, роскошно топтали мягкую зеленую траву, и послушно следуя голосу вожака и табунщика, опереживали огромные караваны вьючных верблюдов, коров и лошадей, которые медленно и задумчиво ставили копыта свои в ступни друг друга; всё это шло своим чередом, и Мауляна выросла статная и пригожа...» [Даль 1861, т. 5, с. 260–261].

Сюжетно в первых сказках своих Даль часто следовал лубочным листкам и книгам, но они издавались огромными по тем временам тиражами и потому популяризировали не только рыцарские романы, но и жития святых, и народную сатиру.

В «Сказке о Шемякином суде, о воеводстве и о прочем; была когда-то быть, а ныне сказка буднишняя», например, прямо указывался развитый

там источник: «...а кто хочет знать да ведать последний приговор судьи Шемяки⁷, конец и делу венец, тот купи за три гривны повествование о суде Шемякином, с изящными изображениями, не то суздальского, не то владимирского художника...» [Даль 1861, т. 6, с. 53].

Фактически же здесь была изложена история, популярная в древнерусской книжности. «Сюжет повести, — отмечает А. М. Панченко, — поистине „бродячий“ <...> Любопытно, что реальная судебная практика XVII в. исповедует тот же принцип: по „Уложению“ (своду законов) 1649 г. возмездие было зеркальным отражением преступления. За убийство отрубали голову, за поджог сжигали, за чеканку фальшивой монеты заливали горло расплавленным свинцом. Получалось, что „Шемякин суд“ — прямая пародия на тогдашнее русское судопроизводство...» [Панченко, с. 603–604].

Сказочник Казак Луганский, конечно же, был хорошо знаком и со средневековой рукописной книгой⁸. Не случайно поэтому в первой же его «Сказке о Иване, молодом сержанте», между прочим, отмечалось: «А века тогда были темные, грамоте скорописной мало кто знал, печатной и в заводе не было, — церковными буквами под титлами и ключами числа несметные нагорожены, азы прописные — красные, узорчатые; строчные — черные, буднишные...» [Даль 1861, т. 8, с. 9].

Так возникали постоянные далевские переключки с памятниками Древней Руси. Ср. в «Сказке о Рогеволде и Могучане царевичах...»: «...послы пали на колена и рекли: земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет. Идите владеть и княжить ею и творите суд и правду».

«...Три брата-царевича узнали теперь настоящие имена свои и приняли их вместо прозвищ: Рюрик, Синав и Трувор. Они приняли княжение и разделили царство между собою; а если хотите, дети, знать да ведать, как они жили да поживали, так читайте отныне повествование летописцев.

Жил-был в древности глубокой благочестивый инок. Он описал деяния, жизнь и подвиги царевичей наших и потомков их. Слава уступила им достояние и имя свое; богатыри наши в течение времен грядущих утратили

⁷ Соблюдая подцензурную благопристойность, Даль здесь опускает один из шемякинских приговоров («...в возмездие за нечаянно задавленного ребенка приговорил: убогому взять жену у челобитчика и держать ее у себя до тех пор, пока она не родит другого ребенка»).

⁸ В 1832 г., недовольный порядками в петербургском военном госпитале, он, хотя и безуспешно, намеревался занять кафедру русского языка и российской словесности в Дерптском университете, где, кстати говоря, ранее успешно сдал экзамен по русскому языку Перевощикову (староверу). Не тому ли Г. М. Перевощикову принадлежал список «Жития протопопа Аввакума», отрывки из которого были опубликованы В. И. Малышевым? См.: [Малышев, с. 148–150].

многосложные прозвания свои, но потомки их и донныне просто и коротко называются славянами⁹. (...)

Пойте, Баяны-соловьи, пойте во славу царевичей своих, в струны златые ударяйте, славу славянскую, подвиги доблестные прославляйте! Кто горазд и силен языком родным и беседует с веками прошлыми, завещает нам двенадцать толстых книг, летописных¹⁰, полных правды русской, красноречия» [Даль 1861, т. 8, с. 54].

В произведениях Даля, как видим, откликалось и «Слово о полку Игореве», см.: «Мы не на щитах возлелеяны, не под шеломами повиты, не концом копья вскормлены...» [Даль 1861, т. 8, с. 54]. В повести «Бедовик» возникает такое определение чиновников: «Души, крещенные в чернилах, повитые на гербовой бумаге» [Даль 2010, с. 61], — это также ироническая отсылка к «Слову о полку Игореве», в котором говорилось о воинах буйтура Всеволода.

Отмечена и стилизация под «Слово» в зачине богатырской сказки об Илье Муромце: «Не под десницею богов безответных, захожан спесивых из стран привольных, полуденных; не вдохновением стародавних иноверческого неба обитателей, которых я и не зывал, а ты, быть может, не докликался, хочу слагать, как подчас водилося, повести про житье-бытье неправославное; русским говором, да не русскую речь вести! — Нет, не стану...» Ср.: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ

⁹ Ср. в «Повести временных лет»: «В год 6370 (862). Изгнаши варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избралих трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» [Повесть временных лет, с. 37].

¹⁰ «Хотя многими учеными XVIII века отдельные списки летописей уже привлекались к их исследованиям, начало публикации древнерусских летописей было положено только в 1767 году. В этом году почти одновременно появилось сразу два издания, причем именно с летописей началось вообще научное издание памятников древней письменности. Екатерининская эпоха, бесспорно, явилась порой расцвета в области публикации летописных текстов. Всего за три десятилетия (с 1767 по 1795 г.) вышло более 20 изданий (среди них — такие важнейшие памятники древнерусского летописания, как Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Радзивилловская, Никоновская, Типографская, Воскресенская летописи, Новый летописец, Степенная книга и другие) (...) Новый этап в издании летописей наступил в 1834 году благодаря Императорской Археографической комиссии, начавшей публиковать серию „Полное собрание русских летописей“» [Бобров, с. 17].

повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!»¹¹ «*Игорь князь горностаем поскочи к тростию*, Сл. о Пл. Иг. к тростнику, в камыши, в тростниковые заросли» (т. 4, с. 435).

П. И. Мельников-Печерский сохранил такое свидетельство составителя «Толкового словаря великорусского языка» об одном из своих помощников: «Александр Никифорович Дьяконов¹² приходил ко мне с Киршою Даниловым да с памятниками русской словесности XII века и точно так же мы целые вечера просиживали над ними... Изучение старинных памятников утвердило тогда мое намерение составить словарь» [Мельников-Печерский, с. XI].

Отметим также эрудицию Даля относительно старопечатных книг, что раскрывается в повести «Небывалое в былом, или Былое в небывалом»: «Но замечательнее всего были опытность и познания Ахтубинцева в русской старине. Прикинув на свет листок старопечатной книги, он говорил вам безошибочно год и место выделки бумаги; он знал почерки устава, полуустава и скорописи по столетиям и десятилетиям, как свои пять пальцев; распознавал по икам и по юсам степень древности рукописей и книг; а по почерку букв, титлам и ковычкам, место печатания всех древних книг без выходных или заглавных листов (...) Принадлежа сам, по отцу, к благословенной церкви или единоверию, он насчитывал в один дух и без запинки все дониконовские издания славянских церковных книг, какую ему ни назовете, и определял в точности все приметы изданий и место выхода. Взяв в руки книгу у другого любителя и взглянув только на обрез, он спросил однажды, „а что, сколько цените вы этот требник?“ (...) Тут он развернул требник на знакомой ему странице, которую узнал по образу листка. „Вот, — продолжал он, — гляди, да вперед знай: вот тут идет чин отпевания, а этот листок подменен раскольниками; они его перепечатали по-своему, переменя в таких-то словах, и потому не согрешила тут наша бывшая единоверческая типография, которая работала по заказу. Вот, гляди и на свет: в этой бумаге водяной знак, видишь какой, — это бумага австрийская; а на этом листке полоски вот какие, — это наша, русская, ивановская. И набор отличается немного: вот тут у *ща* хвостик потолще да покороче; вот титло коромыслом, а это с изломом“...» [Даль 1861, т. 7, с. 259–260].

Ахтубенцев также владел редчайшей рукописной книгой: «Письмо-то какое: ровно как жемчуг! А краска с позолотою! Видишь вот, гляди „для

¹¹ О. В. Захарова также отметила: «В целом жанр „Ильи Муромца, сказки Руси богатырской“ В. Даля определяет сложное взаимодействие сказки, быliny, древнерусской повести и жития» [Захарова, с. 294].

¹² А. Д. Дьяконов — оренбургский инспектор классов и учитель истории и географии.

царицы, для супруги Ивана Васильевича, по указу государеву, подъячим таким-то“ — это был первый мастер того времени. Кроме него, никто не сумел этого вот сделать; а почерк ровный, от начала до конца. Таких часословов два только и есть: один перешел через мои же руки, а теперь в Москве у такого-то, за другим в третий год сюда на ярмарку приезжаю, тут мне об нем всё вести подавали и привезли-таки из Екатеринбургa» [Даль 1861, т. 7, с. 281].

Среди произведений Даля появляются и такие, которые особо соотносятся с жанрами древнерусской литературы.

Он предлагал, в частности, опубликовать свой «Месяцеслов», но цензура книгу не одобрила, ибо канонический месяцеслов служил приложением к важнейшим богослужебным книгам, с подробнейшим описанием церковных праздников и жизни святых из Прологов и особенно из Четьих Миней. Даль же *впервые* в систематическом (календарном) порядке создал месяцеслов, где народные поверья, по его признанию, «в сущности своей основаны на деле, на опытах и замечаниях, поэтому их неправильно называют суевериями: они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народную, а потому знать их и сообразовываться с ними полезно. Эти поверья, бесспорно, должны быть всеобъяснимы из общих законов природы» [Даль 2002, с. 404]. «Известно, что календарь нашего крестьянина отличается по способу выражения от нашего: мужик редко знает месяцы и числа, но знает хорошо посты, заговения, сочельники, все праздники, святых и, избирая более замечательные в быту его сроки, обозначает их сими названиями» [Даль 1861, т. 6, с. 281].

Далевский месяцеслов можно без труда восстановить, обратившись к его Словарю, куда вошли все эти сведения. Впрочем, в «Пословицах русского народа» Даля выделен целый раздел под названием «Месяцеслов» [Даль 1862, с. 970–1008]¹³.

В Словаре Даля, например, читаем: «Алексея-теплого, Алексея-с-гор-вода или с-гор-потоки, Алексея ~ пролей-кувшин, в народе, день 17 марта, ростопель. *С гор вода, а рыба со стану*, с зимней лежки. *На Алексея-теплого доставай улья изо миёника юж. Покинь сани, ряди (ладь, готовь) телегу. Каковы ручьи на Алексея, таковы и поймы*. День гусиных боев, спуск гусаков» (т. 1, с. 10). Ср. в «Пословицах»: «17 (марта). Алексея Божьего человека. Алексея теплого. Свальное. Алексея — с гор вода. Алексей — пролей кувшин. С гор вода, а рыба со стану (с зимовья). На Алексея теплого доставай улья (южн.). Покинь сани, сражай телегу. Сани на поветь. Каковы

¹³ В современных же изданиях далевского сборника пословиц данный раздел, к сожалению, обычно не воспроизводится.

на Алексея ручьи (большие или малые), такова и пойма (поем, разлив). День гусиных боев, спускают гусаков» [Даль 1862, с. 976].

По-видимому, знакомы были писателю и Физиологи — средневековые сборники о свойствах животных, реальных и легендарных. Каждая статья наряду с описанием зверей и их повадок там содержала толкования символично-аллегорического и назидательного характера — например: «Лисица егда будет голодна, и деть на мѣсто солнечно и ляжет на посолоньи и держит душу свою надмѣтся (*сдерживает свое дыхание*). Видѣвше же ее птицы, мнящее мѣртву, придут и да едят (*клевают*). Да егда ся приближат к ней воскочивши и имеет от них и есть. И тако ся кормит (...) Тако и ты, человекѣе, егда ти найдет житейска напасть, теци въ церковь и прослезися и возопи. И отступить от тебѣ неприязнь» [Физиолог, с. 478, 482].

В 1844 г. был опубликован в «Литературной газете» далевский «Зверинец». Здесь, в частности, отмечалось: «Лиса слывет самым хитрым и догадливым животным: хитрость ее на всех почти языках обратилась в пословицу. На всех языках сложили об ней притчи, сказки, присказки, басни, прибаsenки. Глас народа — необманчив; в нем должна быть правда (...) лиса, остренькой, благоразумною мордочкой своей, тонкими стоячими ушами, ловкостью и проворством обольщает всякого самою наружностью и заставляет предугадывать в этом небольшом животном палату ума и лукавства» [Даль 2002, с. 300].

Не случайно тут отмечают сходные с человеческими повадки лисицы: зоолог Даль¹⁴ вполне серьезно анализировал зачатки разума («побудку») у животных: «Нравы, обычаи и быт животных крайне занимательны — включая туда как умственные способности, так и действия и свойства врожденные, то есть действия может быть и бессознательные, но не менее того разумные, основанные на врожденном побуждении или побудке. Это целый мир духовной связи и последовательности, неразгаданный, неразъясненный, но в высшей степени занимательный для записного душеслова и для любителя. Какая для души человеческой и в какой степени принадлежит животным, начиная от какого-нибудь глиста и до аиста, собаки и лошади?» [Даль 2002, с. 332].

Врач Даль знакомился и с древнерусскими лечебниками, что также нашло отражение в его Словаре. Ср.: «Есть трава одолень, растет в реке на камне корнем, собой голубая, высотой в локоть и более, цветок оранжевый, листочки беленькие; когда человека отравят до смерти — пусть ест, та трава хороша, всю отраву вынесет через рот. Корень же хорош от зубной боли

¹⁴ В 1838 г. он будет избран в члены-корреспонденты по отделению естественных наук.

или для тех, кому скот пасти, чтобы скотина не разбрелась. Держи при себе — и если кто-то тебя не любит, дай испить — и полюбит, да так, что тот человек не сможет отстать от тебя и до смерти; если же захочешь к зверю приблизиться — дай ему съесть. Если кто собирается промышлять зверей, лисиц и зайцев, силки на них ставить, той травой окурить силки и обтереть их дочиста, тогда и сам зверь бежит в ловушки» [Травник, с. 493]. «Одолей, растение из рода молочаев, *Euphorbia pilosa*; оно идет в дело у знахарей; приворотная, т. е. одолевающая» (т. 2, с. 655).

Известно также, что Даль намеревался изложить Священное Писание применительно к понятиям русского простонародья, однако книга была приостановлена Московской духовной цензурой в 1869 г. Из Нового Завета Даль закончил пересказ 13-й главы Евангелия от Матфея, наполненной притчами (о сеятеле, о пшенице и плевелах, о горчичном семени). Перевод Даля до нас, к сожалению, не дошел. Но интерес к притчам он неизменно сохранил, сравнивая себя «с фигляром, который, указывая на картины фонаря своего, ломаным и искаженным языком объясняет глубокое их значение, не оставляя, при каждом удобном случае, поучительными замечаниями своими»¹⁵.

Легенда о граде Китеже принадлежала к типу легендарно-апокрифических памятников, где затопленный город трактовался как Господнее наказание за грехи мирян: «И не видим будет Большой Китеж даже и до пришествия Христова, яко же и в прежняя времена бысть сия, яко же свидѣльствуют жития святых отец, патерик Монасийский, и патерик Скитский, и патерик Азбучный, и патерик Иеросалимский, и патерик Святыя Горы, яко сия святые книги согласны, в них писаны жития святых отец, и сокровенныя обители не едина, но много монастырей, и в тѣх монастырех много множество бысть святых отец, яко звѣзд небесных, просияв житием своим. Яко пѣска морскаго невозможно исчести, тако и сих невозможно писанию предати и вся списати» [Легенда о граде Китеже, с. 218].

Ср. подобное предание Даля «Подземное село»: «Деревня пропала, а к горе и к озеру нет приступу: болото летом не пересыхает, зимою не замерзает. Петух по временам сидит на верхушке на горе, когда туман расстила-

---

¹⁵ Ср. также: «Над кем притча не сбывалась! Против притчи не поспоришь. На притчу и железо ломается. У притчи на коне не уйти (или не уйдешь). || Притча, иносказанье, иносказательный рассказ, нравоученье, поученье в пример, аполог, параболла, басня; или простое изречение, замечательное, мудрое слово, апофегма. *Притчи Соломоновы*, изречения. *Притчи Евангельские*, иносказания: въ притчахъ бо вамъ глаголю, сказалъ Спаситель» (т. 3, с. 453). Даль недаром слово «притча» толкует как производное от глагола «притыкать», в таком значении («доказать») зарегистрированное в словарях древнерусского языка.

ется понизу, только молчит, не хлопает крыльями, не кричит¹⁶. В праздники Господни в иную пору слышен звон колокола на озере: то ровно по покойнике перезванивают, то к обедне благовестят, а как зазвонят к „Достоинно...“, то озеро и забушует, и забурлит... после опять все утихнет, будто ничего не бывало. Сказывают, что и колокол ину пору по ночам на берег выкатывается и опять уходит на дно; сказывают, будто вся гора на озере плавучая и что ветром подгоняет ее то ближе к одному берегу, то к другому; сказывают еще, будто раз как-то молитвами проходящего инока церковь стала было подыматься и крест уже выказался из воды, тогда петух опять появился на горе, а гора поплыла на то место, где выказался крест, и накрыла все... с тех пор никто более ни церкви, ни креста не видал; а только после сильной бури озеро выкидывает на берег что выбьет водой из потонувшего села со дна озера: черепья, ночвы, деревянные ложки, берестянки, туески, обечайки» [Даль 1861, т. 1, с. 314].

Впрочем, вроде бы немудрящие далевские «Картины народного быта» часто несли в себе притчевый смысл — «поученья в пример». Собранием притч (поучительных исторических преданий) стали далевские сборники «Солдатские досуги» (1843) и «Матросские досуги» (1853).

Накопленный за многие годы архив писателя был феноменально огромен.

Выйдя в отставку в 1859 г., он с головой отдастся любимому занятию — составлению Словаря. В это время он передает свои записи песен И. В. Киреевскому, исторические заметки — М. П. Погодину и П. И. Бартеневу, материалы по расколоведению — П. И. Мельникову-Печерскому, богатейшее собрание лубочных картинок — Публичной библиотеке Петербурга (изданы Д. А. Ровинским). А. Н. Афанасьеву же Даль передал до тысячи собранных сказок, из которых фольклористом было использовано только 148 записей. Но в 1859 г. Афанасьев опубликовал и книгу «Народные русские легенды», почти наполовину заполненную материалами, переданными ему Далем, в записях которого сюжеты, известные из древнерусской книжности, часто истолковывались по-своему. Так, в примечании к легенде «Поездка в Иерусалим» указывалась сходная народная версия из записей Даля — в противовес коллизии, почерпнутой из Жития Иоанна Новгородского.

Солдат же повесил на черта нательный крестик и после приказал свозить его домой, в Иркутскую губернию. «Черт как свистнет, как понесет-

¹⁶ «Когда петух перестанет петь, тогда наступит кончина мира: голос его уже не вызовет солнца и вселенною овладеет нечистая сила мрака и холода, на земле воцарится вечная зима» [Афанасьев 1865, с. 522].

ся — словно молния! Солдат только посматривает, как мелькают под ним города и села: „ай да молодец, люблю за прыть!“ И не успел еще проговорить всего, глядь — уж и приехал. Слез солдат с черта: „спасибо, — говорит, — вот удружил, так удружил! Ступай теперь куда знаешь, а завтра на ночь приходи: назад поедем“. Прогостил, попиrowал солдат целых два дня, а к ночи попрощался с родными и воротился на черте в Питер»¹⁷.

Впрочем, например, «Повесть о царе Аггее и како пострада гордостью», так отмечена издателем: «из собрания Даля, заимствованной из старинной рукописи». Здесь говорилось о наказании ангелом царя, который посмел усомниться в евангельской заповеди: «богатые обнищают, а нищие обогатеют» [Афанасьев 1859, с. 84]¹⁸. Подобные сюжеты развиты в далевских сказках.

В «Сказке о Егории Храбром и волке» Даля был отражен переданный Афанасьеву духовный стих о Георгии Победоносце:

...И еще Егорий наезжаючи
 На то стадо на звериное, на змеиное;
 Не добре Егорию лъзя проехати.
 Святой Егорий глаголет:
 «Ох вы гой еси, звери свирепые!
 Разойдитесь звери по всей земли,
 Вы не веруйте сатане-врагу,
 Сатане-врагу со диаволом;
 А вы веруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному».
 Разошлись звери по всей земли.

[Афанасьев 1914, с. 108–109]

Георгий Победоносец считался небесным покровителем Руси и, как символ Русского государства, был изображен на древнем гербе. Однако, в отличие от утопического землестроителя (каким святой Георгий предстает в духовных стихах), он истолкован в далевской сказке «О Егории Храбром и о волке» безвольным владыкой, который надоедливому голодному волку не хочет помочь. Недаром в народе издавна жила память о своем окончательном закабалении, выраженная в пословице «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» (т. е. день памяти святого Георгия). Именно поэтому сатирическая интерпретация духовного стиха у Даля вполне соответствовала исконному российскому сетованию, выраженному в пословице «До Бога высоко, до

¹⁷ Так же описана поездка в Петербург кузнеца Вакулы в «Ночи перед Рождеством» Гоголя, что отмечено Л. А. Дмитриевым. См.: [Дмитриев, с. 159–160].

¹⁸ Об этой повести см.: [Ромодановская, с. 75–79].

царя далеко», которая обычно молвилась в ответ на своеволие местных властителей.

В книгу Афанасьева не попало сохраненное в Архангельской губернии предание о разгроме Иваном IV Новгорода Великого, так как оно было Далем опубликовано ранее:

«Когда царствовал царь Иван Васильевич, царь Грозный, то литовцы задумали взять Москву. Как тут быть, сила не берет, так пойти на хитрости, не волчий зев, так лисий хвост. Вот они и купили бояр царских, а те и подали царю облыжную жалобу на новгородцев, что они-де смутные непокорные люди, против царской власти бунтуют и смотрят, где бы и как бы причинить измену, и уговорили царя пойти самому смирить их. Царь и взял с собой губников да палачей московских, Малюту, сына Скуратова, и других, и отправился смирять новгородцев.

Вот царь Иван Васильевич чинит суд страшный и расправу жестокою в Новеграде...» [Даль 1861, т. 1, с. 415].

Ужасные подробности «страшной расправы»¹⁹ в народном предании были опущены, хотя упоминания о них и откликнутся далее: «В одну ночь Грозный-царь лежит в опочивальне своей, утомленный кровавыми казнями невинных новгородцев (...) Пришла ночь: ослепленный клеветой крамольных баян, измученный казнями, царь лег опять на ложе свое (...) Заснул ли, нет ли царь к утру — про то ведает один Бог: а как день настал, так опять губники с палачами принялись за работу, а Грозный-царь давал суд и ряд и сам отбирал под пыткой допросы...» [Даль 1861, т. 1, с. 416].

---

¹⁹ Разгром Иваном Грозным Новгорода описан Н. М. Карамзиным со ссылкой на Синодальную летопись (см.: [Карамзин, с. 145–152, примеч. 288–291]). Ср. в «Повести о разгроме Новгорода Иваном Грозным»: «Тогда благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всей Руси, вместе с сыном своим, с благоверным царевичем князем Иваном Ивановичем, устроил суд там, куда государь приехал и остановился, — на Городище. И повелел государь приводить из Великого Новгорода архиепископских бояр и множество других служивых людей, и детей боярских, и купцов, и всяких горожан и известных видных людей, и жен их, и детей, и ставить их перед ним, и повелел государь их перед собой жестоко и люто и бесчеловечно мучить их различными муками. И среди многих неописуемых, страшных и различных мучений повелел государь тела их поджигать неким огненным изобретенным составом, который называется поджар, и повелевает государь своим государевым детям боярским тех измученных и поджаренных людей за руки и за ноги и за волосы связывать тонкими веревками сзади разными способами, и повелел привязывать их по одному человеку к саням, и велел их волочить стремительно за санями на Великий Волховский мост и сбрасывать с моста в реку Волхов. А жен их и младенцев — мальчиков и девочек, и даже грудных детей, и любого возраста, повелел государь привозить на Великий Волховский мост, и приводить их на высокое место, специально устроенное, и связывать им руки и ноги сзади, а младенцев привязывать к их матерям, и с большой высоты сбрасывать их в воду, в реку Волхов» [Русские летописи, с. 430–431].

Жестокая акция царя, в духе народных сказаний о нем, объяснена якобы ложными наветами бояр²⁰. Однако в былинах и исторических песнях об Иване Грозном сведения о новгородском побоище не сохранились.

Т. Г. Шевченко отметил в своем дневнике (см. запись от 16 декабря 1857 г.): «...мы с В. И. между разговором коснулись как-то нечаянно псалмов Давида и вообще Библии. Заметив, что я равнодушен к библейской поэзии, В. И. спросил у меня, читал ли я Апокалипсис. (...) и в заключение предложил мне прочитать собственный перевод Откровения с толкованием и по прочтении просил сказать свое мнение» [Шевченко, т. 4, с. 181—182].

Не случайно поэтому в повести «Небывалое в бывалом» упоминалось о раскольниковом толковом Апокалипсисе с картинками. Было бы любопытно в этой связи познакомиться здесь с толкованием особенно первого стиха Евангелия от Иоанна: «Въ началѣ бѣ слово», — для Даля поистине судьбоносного. Приведем с некоторыми сокращениями лишь начало далевского толкования Слова: «**Слово** исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь. *Человеку слово дано, скоту немота. Слово есть первый признак сознательной, разумной жизни. Слово есть воссоздание внутри себя мира*, К. Аксак. || Сочетанье звуков, составляющее одно целое, которое, по себе, означает предмет или понятие; реченье. || Разговор, беседа; || речь, проповедь; сказание. *О чем у вас слово?* о чем беседуете. Слово поучительное, похвальное. *Слово о полку Игореве. Слова епископа*, изданные речи его. || *Слово о мздоимстве*, рассужденье. *Слово олово*, т. е. свинец, веско. *Живое слово. Живым словом победит. Бритва скребет, а слово режет. Сказанное словцо — серебряное, не сказанное — золотое. Кто словом скор, тот в деле не спор. Слово слову розь: словом Господь мир создал, словом Иуда предал Господа* || Слово или Слово Божье, Св. Писание, Ветхий и Новый Завет. *Живи по Слову. Да спасешься Словом.* || Слово, в Евангл. и пр. *В начале бе Слово* и пр. толкуется: Сын Божий; истина; премудрость и сила. *И Слово плоть бысть*, истина воплотилась; она же и свет» (т. 3, с. 221—222).

Словарь Даля в совокупности своей — отнюдь не бесстрастный свод речений. Недаром Самуил Маршак сравнил его с древней нравоучительной повестью:

²⁰ Отметим и такую любопытную деталь народного предания, сохраненного Далем. Во сне Ивану Грозному является «воин Заневский», который (подразумевая осаду Москвы литовцами) молвит: «На вдове твоей сватается жених заморский; она без тебя не знает, идти ли?» [Даль 1861, т. 1, с. 416]. Здесь, скорее всего, в образе Заневского подразумевался Петр Великий, при котором Москву и называли вдовой после того, как столица была перенесена на берега Невы.

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

На всех словах — события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучат укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть

[Маршак, с. 79]²¹

«У нас нет акрополя, — сокрушался О. Э. Мандельштам. — Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький кремль, крылатая крепость номинализма, освященная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории» [Мандельштам, с. 74].

Литература

- Афанасьев 1859 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. М.: Изд. Н. Щепкина и К. Солдатенкова, 1859 [обл. 1860]. 206 с.
- Афанасьев 1865 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М.: Индрик, 1994. Т. 1. 800 с. [Репринт изд.: М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865].
- Афанасьев 1914 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды / Ред. и предисл. С. К. Шамбинаго. М.: Современные проблемы, 1914. 320 с.
- Бобров — *Бобров А. Г.* Предисловие // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб.: Амфора, 2006. С. 7–21.
- Даль 1835 — *Казак Луганский [Даль В. И.]*. Сказка о нужде, о счастии и о правде... // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. С. 177–210.
- Даль 1861 — Сочинения Владимира Даля: Новое полное издание в 8 т. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1861.

---

²¹ Ср.: «Век — срок жизни человека или годности предмета; продолжение земного бытия. | Быт, бытие вселенной — в нынешнем ее порядке. *Скончание века близко* || навсегда, на вечные времена, вековечно, бесконечно. *Выпьем по полной, век наш недолгой. Смолоду захвалили, да довеку посадили. Век живи, век учись, а умри дураком. Каковы веки, таковы и человеки. Изжил век, а все э'къ (а правды нет). Он чужой век заедает (заживает).* Вековое событие или случай, редкое, едва когда бывалые. Вековать, *црк.* Вечновать, пребывать век свой или вечно где, пребывать тем же, в одном положении, завековать» (т. 1, с. 330).

- Даль 1862 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа / Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те. М.: Унив. тип., 1862. XL, 1096, 6 с.
- Даль 1867 — *Даль В. И.* Письма к друзьям из похода в Хиву // Русский архив. 1967. Вып. 2. Стб. 402–431.
- Даль 1978–1980 — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 1–4.
- Даль 2002 — Неизвестный Владимир Иванович Даль: Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002. 480 с.
- Даль 2010 — *Даль В. И.* Беглянка: Избр. проза. СПб.: Азбука, 2010. 446 с.
- Дмитриев — *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XII–XVII вв. Л.: Наука, 1973. 304 с.
- Еремин — *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л.: Наука, 1966. С. 132–143.
- Захарова — *Захарова О. В.* «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» В. И. Даля (проблема жанра) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Межвуз. сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 2. С. 283–294.
- Карамзин — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. Т. 9. 472, 298, [4] с.
- Кирилл Туровский 1980 — Из «Притч» и «Слов» Кирилла Туровского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // ПЛДР: XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 291–324, 660–669.
- Кирилл Туровский 1997 — Слова и поучения Кирилла Туровского / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова и Н. В. Поньрко // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 142–205, 604–615.
- Легенда о граде Китеже — Легенда о граде Китеже / Подгот. текста, пер. и коммент. Н. В. Поньрко // ПЛДР: XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 210–227, 561–563.
- Лихачев — *Лихачев Д. С.* Русская культура. СПб.: Искусство—СПб, 2007. 440 с.
- Малышев — *Малышев В. И.* Избранное. Статьи о протопопе Аввакуме. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 432 с.
- Мандельштам — *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2: Проза. 760 с.
- Маршак — *Маршак С. Я.* Избранное. М.: Советский писатель, 1947. 384 с.
- Мельников-Печерский — *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Владимир Иванович Даль (критико-биографический очерк) // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского) в 10 т. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1897. Т. 1. С. I–XC.
- Панченко — *Панченко А. М.* Повесть о Шемякином суде: Комментарий // ПЛДР: XVII век. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 2. С. 603–604.
- Повесть временных лет — Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. и коммент. О. В. Творогова // ПЛДР: XI — начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 23–278, 417–451.
- Пропп — *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 334 с.
- Ромодановская — *Ромодановская Е. К.* Повесть о царе Аггее в контексте рукописных сборников // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1991. С. 74–79.

- Русские летописи — Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб.: Амфора, 2006. 438 с.
- Топорков — Топорков А. Л. Даль Владимир Иванович // Русские фольклористы: Био-библиогр. словарь: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2. С. 3–14.
- Травник — Из лечебников и травников: Травник / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // ПЛДР: Конец XVI — начало XVII века. М.: Худож. лит., 1987. С. 492–501, 611–613.
- Физиолог — Физиолог / Подгот. текста, пер. и коммент. О. А. Белобровой // ПЛДР: XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 474–485, 613–614.
- Шевченко — Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів: В 10 т. Київ: Вид-во АН УРСР, 1939–1964.

References

- Afanas'ev, A. N. (1859). *Narodnye russkie legendy, sobrannye A. N. Afanas'evym*. Moscow: Izdanie N. Shchepkina i K. Soldatenkova, 206 p.
- Afanas'ev, A. N. (1914). *Narodnye russkie legendy*. Moscow: Sovremennye problemy, 320 p.
- Afanas'ev, A. N. (1994). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu*. Moscow: Indrik. Vol. 1, 800 p. [Reprint izdaniya: Moscow: Izdanie K. Soldatenkova, 1865].
- O. A. Belobrova, ed. (1981). 'Fiziolog', in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: 13 vek*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 474–485, 613–614.
- Bobrov, A. G. (2006). 'Predislovie', in: A. G. Bobrov, ed. *Russkie letopisi 11–16 vekov: Izbrannoe*. Saint Petersburg: Amfora, 7–21.
- A. G. Bobrov, ed. (2006). *Russkie letopisi 11–16 vekov: Izbrannoe*. Saint Petersburg: Amfora, 438 p.
- Dal', V. I. (1862). *Poslovitsy russkogo naroda*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, XL, 1096, 6 p.
- Dal', V. I. (1967). 'Pis'ma k druž'yam iz pokhoda v Khivu', *Russkii arkhiv*, 2, 402–431.
- Dal', V. I. (1978–1980). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk. Vol. 1–4.
- Dal', V. I. (2010). *Beglyanka: Izbrannaya proza*. Saint Petersburg: Azbuka, 446 p.
- Dmitriev, L. A. (1973). *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamyatniki literatury 12–17 vekov*. Leningrad: Nauka, 304 p.
- Eremin, I. P. (1966). 'Oratorskoe iskusstvo Kirilla Turovskogo', in: Eremin, I. P. *Literatura Drevnei Rusi: (Etyudy i kharakteristiki)*. Moscow, Leningrad: Nauka, 132–143.
- Karamzin, N. M. (1821). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. Saint Petersburg: Tipografiya N. Grecha. Vol. 9, 472, 298, [4] p.
- Kazak Luganskii [Dal', V. I.] (1835). 'Skazka o nuzhde, o schastii i o pravde...', *Biblioteka dlya chteniya*, 9, 177–210.
- V. V. Kolesov, ed. (1980). 'Iz "Pritch" i "Slov" Kirilla Turovskogo', in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: 12 vek*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 291–324, 660–669.
- V. V. Kolesov, ed. (1987). 'Iz lechebnikov i travnikov. Travnik', in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: konets 16 — nachalo 17 veka*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 492–501, 611–613.
- V. V. Kolesov, N. V. Ponyrko, eds. (1997). 'Slova i poucheniya Kirilla Turovskogo', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 4 (12 vek), 142–205, 604–615.

- Likhachev, D. S. (2007). *Russkaya kul'tura*. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB, 440 p.
- D. S. Likhachev, O. V. Tvorogov, eds. (1978). 'Povest' vremennykh let', in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: 11 — nachalo 12 veka*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 23–278, 417–451.
- Malyshev, V. I. (2010). *Izbrannoe. Stat'i o protopope Avvakume*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 432 p.
- Mandel'shtam, O. E. (2010). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Moscow: Progress-Pleyada. Vol. 2 (Proza), 760 p.
- Marshak, S. Ya. (1947). *Izbrannoe*. Moscow: Sovetskii pisatel', 384 p.
- Mel'nikov, P. I. (Andrei Pecherskii). (1897). 'Vladimir Ivanovich Dal' (kritiko-biograficheskii ocherk)', in: *Polnoe sobranie sochinenii Vladimira Dalya (Kazaka Luganskogo), 10 Vols*. Saint Petersburg, Moscow: Izdanie M. O. Vol'fa. Vol. 1, I–XC.
- Neizvestnyi Vladimir Ivanovich Dal': Orenburgskii krai v ocherkakh i nauchnykh trudakh pisatelya* (2002). Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 480 p.
- Panchenko, A. M. (1989). 'Povest' o Shemyakinom sude. Kommentarii', in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: 17 vek*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 603–604.
- N. V. Ponyrko, ed. (1981). 'Legenda o grade Kitezhe', in: *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: 13 vek*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 210–227, 561–563.
- Propp, V. Ya. (1984). *Russkaya skazka*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 334 p.
- Romodanovskaya, E. K. (1991). 'Povest' o tsare Aggee v kontekste rukopisnykh sbornikov', in: *Istochniki po istorii obshchestvennogo soznaniya i literatury perioda feodalizma*. Novosibirsk: Nauka, 74–79.
- Shevchenko, T. G. (1939–1964). *Povne zibrannya tvoriv*. 10 Vol. Kyiv: Vidavnitstvo Akademii nauk Ukrain's'koi Radyans'koi Sotsialistichnoi Respubliki.
- Sochineniya Vladimira Dalya. Novoe polnoe izdanie*, 8 Vols. (1861). Saint Petersburg: Izdanie M. O. Vol'fa.
- Toporkov, A. L. (2017). 'Dal' Vladimir Ivanovich', in: *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'*: 5 Vols. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 2, 3–14.
- Zakharova, O. V. (1998). "'Il'ya Muromets. Skazka Rusi bogatyrskoi" V. I. Dalya (problema zhanra)', in: *Evangel'skii tekst v russkoi literature 18–20 vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 2, 283–294.